

June 2001 / Europ. Commiss; The impact of culture on creativity: a study prep. for the Europ. Commiss. (Directorate-General for Education and Culture), June, 2009; Marcus C. Future of creative industries: implications for research policy / Europ. Commiss.; Nielsen T. The ERIBA model: an effective and successful policy framework for the creative industries. Stockholm, 2008; Platform on the potential of cultural and creative industries: recommendations for cultural and creative industries, Brussels, Jun. 2008 – Sept. 2009 / Europ. Commiss.; Report on cultural industries, 14 July 2003 / Europ. Parliament, Comm. on Culture, Youth, Education, the Media and Sport; Wiesand A., Söndermann M. The «Creative Sector» – an engine for diversity, growth and jobs in Europe: an overview of research findings and debates prep. for the Europ. Cultural Found. Amsterdam, 2005.

⁴⁷ См.: Creative economy report 2008. Op. cit.

⁴⁸ См.: Йоас Х. Креативность действия: Пер. с нем. СПб., 2005.

⁴⁹ Latour B. Technology is society made durable // A sociology of monsters: essays on power, technology and domination / Ed. J. Law. London, 1991. P. 120.

Поступила в редакцию 02.08.12.

А. Н. ДАНИЛОВ,
ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ НАН БЕЛАРУСИ (МИНСК),
Ж. М. ГРИЩЕНКО,
КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ: ВО ВЛАСТИ МЕТОДА ИЛИ В ПЛЕНУ СТЕРЕОТИПОВ?

Современное состояние социологического знания отмечено всевозрастающим влиянием методологического плюрализма. Поскольку всякая научная парадигма для своего утверждения предполагает достижение высокого уровня консенсуса между учеными, авторы предлагают вниманию читателей некоторые противоречивые аспекты состояния современной социологии как с точки зрения ее методологического континуума, так и с позиции проблемности институционализации современных социологических практик.

A modern state of sociological knowledge is marked by highly increasing influence of methodological pluralism. As any scientific paradigm for its institutionalization assumes obtaining a high level of consensus between scholars, the authors focus the attention on some contradictory aspects of the state of modern sociology from the viewpoint of both its methodological continuum and problem character of institutionalization of modern sociological practices.

1. От общенаучного дискурса к утверждению методической аутентичности

Проблема методов в социологии традиционно решается путем перечисления четырех ведущих из них: опроса, наблюдения, эксперимента, анализа документов. Далее следуют попытки их дифференциации за счет специфики лежащих в их основе технологических процедур, а также обоснования преимуществ и недостатков каждого. Заметим, что возведение обозначенных методов в ранг сугубо социологических проблематично потому, что их общенаучная ценность достаточно очевидна. Более логично говорить о специфике преломления (технологии процедур) этой общенаучной вариативной константы в социологической исследовательской практике. Такая своевременная изначальная **технологическая методическая заданность** социологического знания могла бы стать хорошим стимулом для мотивации опережающих темпов развития отечественной социологии.

В этой связи неслучайной представляется попытка акцентированного переключения с категории «метод» на синонимический ряд понятий: «техники сбора данных», «инструменты сбора данных», «процедуры сбора данных», «способы сбора данных». Наиболее выразительно это терминологическое многообразие представлено, например, в учебном пособии российского автора И. Ф. Девятко¹. И хотя, по сути, автор не подвергает сомнению устоявшуюся практику и называет свое учебное пособие «Методы социологического исследования», тем не менее именно здесь наиболее рельефно обозначен вывод о том, что социологическое знание технологично по природе. А эффект любого общенаучного метода исследования в его преломлении к социологической практике связан с тонкостями владения технологическими и процедурными навыками. В этой связи процессы валидации или операционализации куда более органичны методам именно социологической

исследовательской практики, чем, скажем, метод эксперимента, представительность которого в этой самой практике весьма незначительна.

Следует заметить, что, с другой стороны, решающей методической предпосылкой уже давно пережитого западной социологией идейного конфликта между количественной и качественной социологией С. А. Белановский, например, считает перегруженность социологических образовательных программ и учебных пособий «описанием прикладных количественных методик и обоснованием их валидности в духе позитивистской философии», которая, «концентрируя внимание на точности измерений и математической проверке гипотез, ничего не говорила о том, что такое содержательные теории и откуда они берутся»². Таким образом, очевидная разбалансировка социологических образовательных программ в сторону жесткого процедурно-технологического и математико-статистического обеспечения социологической практики не могла быть признана методически релевантной развивающейся феноменологической парадигме, так как резко снижала роль и значение теоретико-гуманитарной составляющей социологического знания. Остается в этой связи лишь пожалеть о том, что мы переживаем данный конфликт по-новому, спустя десятилетия наступая на «собственные грабли», с искренним желанием углубить дискурс в обозначенном направлении вместо того, чтобы учесть опыт соседей. Впрочем, это как раз о стереотипах нашего сознания.

Вместе с тем парадоксально, но факт, остается до сих пор недооцененным такой, казалось бы, общеизвестный в политической социологии феномен, как **общественное мнение**. Выделение «социологии общественного мнения» в самостоятельное научное направление (параллельно самостоятельную дисциплину) лишь частично решает данную проблему. Ибо и здесь акцент делается на аналогии общественного мнения частной **объектной аспектности** социологического познания, подчеркивая тем самым фрагментарность имеющего места быть явления. Что касается признания **концептуальной модальности** категории «общественное мнение», инструментально опосредующей практику социологических исследований, то вопрос о ее безусловной методической эквивалентности остается до настоящего момента открытым. Как следствие, нерешенной остается проблема выдвижения на авансцену методологического обеспечения социологической практики метода социоанализа, где логически определяющей компонентой является изучение общественного мнения. В конечном итоге именно через общественное мнение, замеры которого не исчерпываются опросом, а включают в себя весь арсенал традиционных общенаучных техник и процедур, мы узнаем правду об актуальном содержании политических реалий.

Справедливости ради следует признать, что у Г. Батыгина такая акцентуализация на «практике массовых обследований» общественного мнения рассматривается как одна из возможных инвариант развития социологического знания, в частности, в контексте политических сюжетов, ориентированных на прогнозные сценарии развития избирательных кампаний. Но и здесь речь идет скорее о модификациях социологического стиля, обусловленного в чистом виде целевой ориентацией исследователя³.

Безусловно, природу недооценки инструментального смысла категории «общественное мнение», в том числе в контексте политической социологии, можно объяснить фактором когнитивной недостаточности (или ограниченности познавательного рубежа) того исторического этапа (как следствие, его исследовательских практик), в рамках которого формируется научная парадигма. В этом плане основанием для переоценки ситуации может служить принципиально новая (соответствующая духу времени) научная парадигма социологии общественного мнения. Во всяком случае ее переключение с консенсуса **монистических** методологических подходов на **плюралистический** консенсус вполне выразительно, чтобы остаться незамеченным. Тем не менее стереотипы нашего сознания, подпитанные методологическими установками прежних лет, стали реальным тормозом переосмысления сложившейся ситуации.

Почти весь арсенал задействованных в практической социологии и хорошо описанных в наших учебниках процедур и технологий, включая и математико-статистический аппарат современной практикующей социологии, был выстроен

на базе многочисленных массовых опросов общественного мнения, причем преимущественно в рамках политической социологии. Это и понятно: именно в политической сфере локализовалась острота общественного интереса, интересы правящей элиты, финансовые потоки (отсюда коммерциализация процесса), что способствовало получению огромного массива эмпирических данных и с необходимостью ставило перед исследователями вопросы об их достоверности, надежности, репрезентативности, прогнозного потенциала и т. п. Таким образом, без преувеличения можно утверждать, что дошедшая до наших дней и практикуемая нами сегодня количественная методология родилась в недрах политической социологии.

Следует признать, что природа недооценки роли и значения общественного мнения в решающей степени была обусловлена сложившейся практикой. Слишком долгое время (фактически весь период пребывания в формате социализма) у нас сознательно культивировался **монистический подход** к оценке общественного мнения. Суть его заключалась в количественно-качественной ограниченности самой природы общественного мнения. Количественное ограничение касалось **субъектной представительности** общественного мнения. Его суть выражала себя в том, что субъектом (т. е. выразителем) общественного мнения могло стать исключительно большинство. Что касается сравнительного меньшинства, то оно заведомо наделялось другими определениями: «незрелость», «непродвинутость», «неоформленность», пребывание в режиме перманентного развития.

Увязка общественного мнения с политическим сюжетом отнюдь не случайна. Политическая социология, как никакая другая среди социологических отраслевых направлений и сформированных на их основе самостоятельных дисциплин, испытывает **концептуальное** воздействие категории «общественное мнение», будучи инструментально от нее зависимой в абсолютном значении.

Напомним, что становление двух научных дисциплин – политической социологии и социологии общественного мнения падает на один и тот же временной интервал – вторую волну демократических преобразований в Европе и США середины XX в. Обусловлены данные процессы одними и теми же факторами, вызванными к жизни, между прочим, актуальным для того периода состоянием общественного сознания (как научного, так и обыденного): страхом, с одной стороны, перед только что разгромленной ценою многочисленных жертв гитлеровской диктатурой, с другой – перед нарастающей сталинской диктатурой. Именно данные обстоятельства исторического фона существования послевоенного мира стали мощным стимулом для утверждения идеи необходимости общественного контроля за функционированием политических элит. Экстраполяция данного вывода на нашу современную действительность ничуть не снижает авторитетности данного демократического рычага с точки зрения не только контроля за составом нашей политической элиты, но и продвижения общества вперед.

Гносеологический аспект политической социологии, таким образом, уходит корнями в совершенно новую **культурологическую парадигму** «видения» и «прочтения» политических процессов. Ее суть состоит в том, что объект власти и политики репрезентируется в научном поле не с точки зрения самой власти или правящей элиты. В таком случае мы транслировали бы **нормативный** взгляд на проблему «сверху», чем, собственно, и занимаются до настоящего периода так называемые «чистые политологи». Политическая социология, напротив, призвана анализировать политические процессы посредством их оценки «снизу», т. е. со стороны гражданского общества. Именно такой подход **инструментально** обеспечивает социология своим обследованием массового сознания, процедурно реализованного через массовые опросы (и не только, о чем чуть позже).

Закономерно в этой связи, что вторая волна демократических преобразований сопряжена с процессом институционализации общественного мнения в Европе и США, развитием сети социологических исследовательских центров, их коммерциализацией и безусловным успехом (массовые опросы под руководством П. Черингтона и Э. Роупера, А. Кроссли, наконец, Дж. Гэллапа). Все это, как нельзя лучше, способствовало накоплению эмпирической базы данных, позволяющей констатировать закономерности взаимодействия основных субъектов поля политики – власти и гражданского общества – этап, предвос-

хитивший становление и формирование самостоятельной научной дисциплины. И первая такая попытка была предпринята американским политологом-социологом М. Липсетом в 1957 г.

Вот почему говорят о том, что политическая социология – это эффект внедренного в исследовательское поле политики социологического метода, который своим континуумом и «подпитывает» содержательно **критическую рефлексию** (в отличие от критиканства!) политической практики. В этом, собственно, и выражается сверхзадача дисциплины – улавливать актуальные политические проблемы, в том числе те из них, которые носят латентный характер, и своевременно предупреждать о них общество, способствуя тем самым их грамотной и своевременной коррекции.

Политическая социология, таким образом, изначально инструментально базируется на замерах общественного мнения – определяющей содержательной компоненты социоанализа. С учетом того бесспорного факта, что эмпирическая база данных в политической социологии приблизительно на 80 % (без натяжек) формируется по результатам многочисленных массовых опросов, то можно утверждать, что **метод изучения общественного мнения** является для политической социологии в целом не только доминантным, но и гомогенным ее природе, так как лежит в основе формирования концепции дисциплины. Собственно становление политической социологии как науки шло параллельно с выкристаллизацией релевантного ей метода познания. Суть его выражала себя через изучение закономерностей массового сознания в его преломлении к политической практике. Иными словами, предметная специфика политической социологии сопряжена со спецификой социологического метода анализа политических процессов в своей предметной плоскости – через отношение к ним гражданского общества. Поэтому отрицание методической статусной определенности процесса изучения общественного мнения в контексте социоанализа политической реальности равносильно отрицанию концепции самой дисциплины «Политическая социология».

2. От инструментальной очевидности к концептуальной убедительности

«Переключение» монистической парадигмы на *плюралистическую* в трактовке общественного мнения наполнено потенциалом намного более весомым, чем это может показаться. Причем рамки этих инновационных подходов вряд ли исчерпываются сюжетом политической социологии. Как всякая другая научная парадигма, плюрализм общественного мнения предполагает достижение определенного уровня консенсуса в научной среде по целому ряду ключевых методологических установок. Например, решение, позволяющее наделять статусом субъекта общественного мнения любую социальную группу независимо от ее количественных параметров. Понятно, что объективные предпосылки такой направленности методологической коррекции в отношении субъекта общественного мнения были связаны с фактами демократизации общества, декларации свободы слова, гласности, плюрализма мнений. По правде говоря, именно такой характер данных методологических «новаций» в социологии общественного мнения стал препятствием на пути дальнейшего развития сюжета. А многие из наших классиков не спешат объективировать свою позицию в обозначенном дискурсе⁴.

Однако вопрос о допустимых количественных пределах субъектной выраженности общественного мнения не получил до настоящего времени однозначной оценки. Например, ограничивается ли этот предел численности репрезентирующих общественное мнение субъектов исключительно малой группой? И как отнестись к отдельно взятому лицу? Можно ли его считать субъектом общественного мнения?

Последователи монистического подхода любят повторять тезис о том, что «общественное мнение не складывается как набор индивидуальных мнений». Если так, то каким же другим способом оно может складываться? Именно через индивидуальные суждения и их последующую идентификацию по критерию смысловой тождественности оценок формируется целостная картина многообразия конечного результата – общественного мнения со всей его эмпирической вариативностью. По крайней мере, именно так выглядят результаты поля в формате традиционного массового опроса. Поэтому любой индивид как социальный агент есть по меньшей мере потенциальный субъект общественного

мнения. Если же он репрезентирует мнение, претендующее на сколько-нибудь выраженную типичность, распространенность и в этом смысле содержательную целостность, то он становится вполне реальным субъектом общественного мнения, его репрезентом.

А если мнение субъекта оценки настолько оригинально, что не вписывается в смысловые вариации содержательных альтернатив, включенных в анкету? А предложенная для самостоятельного выражения собственного мнения свободная строка не спасает ситуации? По правде говоря, часто ли нам пишут? И респондент выбирает вариант «Затрудняюсь ответить», тем самым вуалируя свою личную позицию? Как в этом конкретном случае нам квалифицировать данного респондента с точки зрения его статусной определенности? Можно ли, исходя из культивируемой плюралистической парадигмы, «единичное» принять за один из альтернативных эквивалентов выражения общественного мнения? Есть все основания для положительного ответа на данный вопрос. Во-первых, потому, что сознательный «уход» от ответа – это тоже позиция, на которую, кстати говоря, респондент имеет полное право. Тем более – сознательный «неуход» и регистрация в свободной строке своего «особого мнения» по существу заданного вопроса.

Более того, попытка «отмежевания» от индивидуального социального агента – потенциального носителя общественного мнения и его реального субъекта – лишает процесс изучения общественного мнения его реальной основы, ставит под сомнение всю социологическую практику и дает повод для распространения доводов относительно «конъюнктурности результатов», «ангажированности социологии». Социолог работает с конкретными людьми и лишить кого-то из них права на выражение собственного мнения не имеет ни морального, ни тем более профессионального права. А что, если оригинальность его мышления и суждения предвосхитит перспективы нашего прогресса? Или выхода из кризиса? Тогда задача формирования банка единичных смыслов могла бы не только украсить мир мнений, подтвердив его многоцветную палитру, но и войти в ранг первостепенных научных направлений. Тем более что анализ сингулярности (единичных случаев, зафиксированных в свободных строках анкеты) в рамках одного метода – изучения общественного мнения – мог бы обеспечить эффект **внутриметодной триангуляции**.

При этом личное мнение субъекта может не совпадать ни с одной из результирующих исследование альтернатив суждений, что накладывает на профессионала целый комплекс морально-этических проблем, обязывающих его, по выражению Г. Батыгина, «принять к исполнению нормы науки как рационального дискурса, независимо от интересов и ценностей»⁵.

Таким образом, привычный для монизма аргумент отсутствующего «подавляющего большинства» не может быть гарантом «незрелости» общественного мнения, позволяющего абстрагироваться от него, как от чумы. Даже самая малочисленная группа «затруднившихся» в своих оценках респондентов – вполне правомерный коллективный субъект общественного мнения, обогащающий его эмпирическую смысловую вариативность. Более того, возможно мнение данного субъекта потенциально наполнено значительно большей *информативностью*, чем какого-либо иного, с точки зрения актуального содержания общественного мнения. Есть прецеденты, когда подобный «уход» становится главным **референтом** неблагоприятной политической ситуации, особенно в практике политических исследований.

Понимание всей глубины смысла преобразований в социологии общественного мнения и, как следствие, принципиально новый взгляд на весь опыт развития социологической практики несет плюралистическая парадигма в отношении **объекта** общественного мнения. Ее суть – в утверждении многообразия сюжетной (тематической) ориентации общественного мнения, снявшего ограничительные барьеры с собственно политического сюжета и переключившего внимание на реальное разнообразие тематик. С этих методологических позиций вся эмпирическая база прикладной социологии с ее инструментальной исследовательской фокусировкой на массовые опросы выглядит не иначе как объективированное в итоговых данных содержание общественного мнения по широкому тематическому спектру социальных проблем. В этой связи более чем странным выглядит факт отсутствия в современном поле науки методологических рефлексий, опровергающих данный вывод. Во всяком случае включение в научный оборот инновационных подходов, экстра-

полированных современным состоянием социологии общественного мнения, не вызвало заметных дискуссий среди социологов. А может быть, потому и не вызвало, что достаточных оснований для отрицания само собой напрашивающегося вывода просто нет?

Хорошо понимая степень риска экстраполяции идеи декларируемой нами целесообразности перестановки акцентов с метода опроса на изучение общественного мнения, попытаемся тем не менее изложить свои аргументы относительно политологического сюжета.

Во-первых, опрос как ведущий процедурный аспект социологического познания объектно всегда ориентирован на массовое сознание безотносительно к сюжетной линии самого опроса. Будь то анкета, разработанная в контексте социологии семьи, социологии девиантного поведения, социологии религии или социологии образования и т. д., – ее цель получить результаты, которые, по сути, объективируют тенденции (закономерности) массового сознания.

Во-вторых, процедурой опроса не исчерпываются социологические механизмы изучения общественного мнения. Фактически любой из классического набора методов социологии в качестве своей результирующей совокупности данных имеет не что иное, как отражение субъективных мнений, точек зрения, оценок. Разница между ними лишь в количественной определенности их субъективной представительности. В одном случае эта субъектная репрезентация может быть представлена выборочной совокупностью, способной экстраполировать тенденции на более масштабную по численности генеральную совокупность. В других случаях количество репрезентов массового сознания может исчерпываться мнениями небольшой группы (панельного сегмента), например, в ходе реализации метода фокус-групп. В любом случае вы получите идентичный по своей природе результат, выраженный в субъективных мнениях (впечатлениях), так или иначе иллюстрирующих актуальное содержание общественного мнения в рамках обследуемого тематического направления.

С этих же позиций можно посмотреть и на эксперимент. Сегодня мало у кого вызовет возражение тот факт, что динамика всего хода перестройки в нашей стране может квалифицироваться как своеобразный полевой (естественный) эксперимент. Но что выступает в качестве основного критерия в оценке неудачного характера обозначенного эксперимента? Для социолога таким безусловным критерием станут тенденции в массовом сознании, иллюстрирующие смену общественных настроений с эйфории первых лет перестройки на ностальгию по «старым добрым временам» уже к середине девяностых. Данный вывод, кстати, мог быть получен и в ходе наблюдения за гражданским обществом, накал оптимизма которого резко падал и визуально фиксировался. Таким образом, подход к переживаемой всем обществом практике перестройки как естественному эксперименту опять «уводит» нас в мир общественного мнения, выкристаллизовывая специфику социологического метода со всей его субъективной предопределенностью, выраженной через фиксацию общественных настроений.

Арсенал качественных методов социологии также не выводит нас из методического лабиринта субъективных оценок массового сознания. Например, метод включенного наблюдения и дневниковые заметки, подготовленные профессиональным социологом в ходе реализации проекта (природа конфликта на производстве), опять же будут представлять собой набор мнений, собранных в цеховой курилке. В отличие от массового опроса данный срез общественного мнения будет представлен сравнительно небольшой социальной группой наиболее болтливых работников цеховой структуры.

Наконец, в-третьих, акцент на любом из классических социологических методов вуалирует правду о социологии. Озабоченные процедурно-технологическими компонентами доведения, например, социологической анкеты до филигранных методических тонкостей построения надежного и валидного инструмента замера (формулировка вопроса, построение шкал, структура содержания и т. д.), мы создаем иллюзию реальности достижения «объективного» результата, в то время как объективным данный результат не будет никогда, так как предметная специфика социологии нацелена изначально на получение субъективного результата. И с этой

точки зрения ни количественная, ни качественная, ни даже усиливающая фактор научной «объективности» матстатистика не выведет нас на безусловно объективный результат. Итогом всех наших самых совершенных интеллектуальных манипуляций останется субъективность, имманентно присущая любому мнению, оценке, восприятию и т. п. Не говоря уже о том, что субъективность эта не исчерпывается итоговыми результатами, которые уже изначально предвосхищены исходными теоретическими конструктами субъективизма самого исследователя. И даже если логически очевидная **инференция** между переменными будет сопряжена со статистически обоснованной **контингенцией**, далеко не факт, что самому исследователю до конца понятна их природа. Более того, если они получают в интерпретации исследователя достаточно логически четкую аргументацию, это не значит, что такое объяснение, действительно, имеет реальное отношение к природе объективированных типов связи. Потому что онтологические аспекты отраженных в этих корреляциях смыслов лежат в иной плоскости измерений – качественной парадигме исследовательского поиска. С этих позиций сложно согласиться с мнением, что за распространением опыта внедрения качественной методологии в отечественную социологическую практику угадывается не более чем стремление уйти от критериев профессионального контроля и жесткости исходных установок к некой методологической размытости границ⁶.

Особенно выразителен в этом отношении распространившийся в социологической практике факторный анализ переменных. Попытки интерпретации «выпавших в осадок» факторов в реальности исчерпываются скромными попытками «называния» факторов вне «угадывания» их истинной природы. Поэтому совокупность разнородных по содержанию переменных факторов в лучшем случае будет интегрирована в рамках единого логического конструкта (понятия), ориентированного, как правило, на переменную с максимальной факторной нагруженностью. Никакой латентной природы смыслов, объективированных в итоговой матрице факторных нагрузок, вы не найдете, даже если овладеете факторным анализом в совершенстве, так как природа смыслов лежит в иной (качественной) парадигме.

Таким образом, правда о социологии – это беспощадная правда гомогенного ее природе метода замера общественного мнения, который генерализует все без исключения социологические исследовательские практики (обеспеченные количественными и качественными методами) в один общий научный континуум – изучение мира мнений людей о мире окружающей их реальности. В этом, собственно, и состоит безусловная привилегия и ценность социологии в научном мире. Ибо реальности этого мира, политические в первую очередь, складываются не из статистических закономерностей, а из конструктивного потенциала оценок и восприятия этого мира общественным сознанием, выраженным в общественном мнении.

Удивительным образом точно это иллюстрирует проблема среднего класса в обществе. Достаточно просто задаться вопросом, чем в большей степени обусловлена наша политическая повседневность сегодня и вчера и, скорее всего, завтра: объективными статистическими данными, свидетельствующими о незначительной (до 20 % при максимальной натяжке) доле среднего класса в нашем обществе, или его оптимистическим количественным эквивалентом общественного мнения, достигающим, по данным опросов, в отдельных случаях 60 %? Эфемерность последней цифры очевидна. Социолог хорошо понимает, что результат самооценки далек от истины, ибо складывается по законам «прочтения ситуации» массовым сознанием. И тем не менее именно эта массовая субъективность в оценке ситуации со стороны гражданского общества (доминантной его части) и является решающим аргументом развития политического сценария вот уже на протяжении почти 20 лет! Напомним, что содержание поля политики выстраивается закономерно (объективно) на основе принципа гомологии пространственных структур, где доминирующие однородности (смысловые тождественности) этой структуры играют определяющую роль, формируют ее стержень. Такую определяющую функцию в актуальном содержании поля политики Беларуси как раз и играют эти 60 % вполне удовлетворенных своим экономическим положением граждан, несмотря на всю иллюзорность их субъективного «прочтения» ситуации и оптимизм реального

самоощущения. Как говорили софисты, «как кому кажется, так оно и есть». Очевидно, именно с этим фактом доминирующих оптимистичных социальных настроений в общественном сознании белорусов и нужно связывать наблюдаемый эффект пролонгированной во времени константы терпимости как свойства ментальности отечественного среднестатистического репрезента общественного мнения, о которой пишет С. А. Шавель⁷.

Справедливости ради следует признать, что плюрализм в трактовке объекта общественного мнения не возводит данную методологическую установку в ранг абсолюта, ограничив меру «дозволенного» рядом факторов: актуальностью объекта оценки, информированностью об объекте и **порогом компетентности** массового сознания.

Со стороны объектной эта ограниченность обусловлена тем, что массовому сознанию в принципе не подвластны некоторые объекты, гармонично включенные в общественное сознание. Например, наука как сюжет общественного сознания находится за порогом компетентности массового сознания в принципе. Это, кстати говоря, может служить аргументом, позволяющим развести категории «общественное сознание» и «массовое сознание». Последнее по содержанию, вне всякого сомнения, является более узкой категорией, ибо общественное сознание наполнено опытом осмысления человечеством самых различных аспектов его современной и прошлой жизнедеятельности, тематически представленных следующим содержанием: экономика, политика, право, религия, искусство, мораль, наука. Вся совокупность знаний, накопленных обществом, как бы локализована в конкретных тематических нишах. И даже если исключить одну из них, а именно науку, то и в отношении других нельзя провести тождества между ними и массовым сознанием, объектно ограниченным «доступностью» сюжета. Так как предел возможного для оценок массового сознания всегда сопряжен с порогом его реальной компетенции как в сферах экономики и политики, так и в сферах религии и права, а также искусства и морали. Социологическая практика позволяет предположить, что сравнительно наименьшую зависимость от фактора компетентности массовое сознание обнаруживает, например, в контексте восприятия морального объекта, а наибольшую – в оценках политического или экономического объектов. Именно поэтому включенная в социологическую анкету (или интервью) альтернатива «затрудняюсь ответить», как правило, отмечена меньшим удельным весом именно в сюжете морально-нравственном, а большим – в политическом или экономическом.

Наиболее полное отражение проблема компетентности нашла у П. Бурдьё в его эссе «Общественное мнение не существует»⁸. Французский социолог-политолог подробно рассматривает основные методологические просчеты социологической практики в подходах к замеру и анализу общественного мнения, сводя их к трем известным постулатам. Заметим, что их значимость не исчерпывается рамками политической социологии, а несет, вне всякого сомнения, универсальный (для всей социологии) характер.

Во-первых, производство общественного мнения не может рассматриваться как процесс общедоступный. Массовое сознание далеко не всегда способно продуцировать мнение по существу обозначенной проблемы. Например, в случае заниженного порога компетенции по обсуждаемой проблеме массовое сознание, действительно, вряд ли способно дать ей более или менее однозначную оценку. Иначе, эффекту выражения мнения предшествует факт его оформленности или наличия у субъекта оценки. В ситуации отсутствия мнения по существу заданного вопроса сложно ожидать рефлексии конкретного ответа.

Во-вторых, даже при условии наличия общественного мнения и его эмпирической фиксации далеко не всегда данное мнение можно признать сколь-нибудь значимым. Например, полученный результат может быть «**эффектом навязанной проблематики**» или находиться за гранью компетенции массового сознания в принципе. Поэтому полученный результат с необходимостью требует осмысления с точки зрения своей адекватности.

В-третьих, не все, о чем намерен спросить социолог, достойно внимания. Речь в данном случае идет о рефлексиях со стороны исследователя относительно

целесообразности и правомерности обращения к общественному мнению всякий раз, даже если намерения социолога кажутся ему вполне обоснованными и желаемыми.

Речь, таким образом, идет о закономерностях ошибочной социологической практики и вытекающих отсюда методологических установок пересмотра постулатов, принятых социологами на веру: думай, о чем спрашиваешь, заслуживает ли твой вопрос того, чтобы быть заданным, способно ли общественное сознание продуцировать мнение по данному вопросу в принципе. И даже если это так, задумайся над тем, насколько оно весомо? В каждом из обозначенных методологических постулатов речь идет об одном и том же – ограниченности общественного мнения порогом компетентности.

Ограниченность массового сознания порогом компетентности в вопросах политического содержания – принципиальный фактор в оценке специфики политической социологии как с точки зрения валидности ее методов и процедур, так и с позиции достоверности полученных результатов. Убедительным доводом обоснованности наших утверждений может стать факт, подтвержденный социологической практикой, пестрящей примерами того, что максимальный удельный вес не ответивших («затрудняюсь ответить») на поставленные вопросы падает как раз на политическую тематику. Если с этих позиций сравнить все ведущие сферы общественного сознания с точки зрения их отражения в тематической направленности социологических исследований (многочисленных опросов), то несложно выстроить их иерархию по степени « доходчивости сюжета » (резерва компетенции) для формата обыденного сознания. Первые порядковые места по потенциалу компетенции займут сферы морали и нравственности, семьи, воспитания детей, любви и брака, проблем здоровья и гендерных различий. Здесь у каждого есть что сказать по существу дела, так как повседневная бытовая включенность респондентов в обозначенную проблематику позволяет более или менее уверенно ориентироваться в ней. Далее следует сфера искусства (о вкусах, как известно, не спорят, поэтому любое высказанное мнение заслуживает внимания априори). То же можно сказать и о религиозной сфере, альтернативность воззрений на которую оправдана принципом свободы вероисповедания и совести. Сравнительно менее выигрышно в этой связи выглядит правовой сюжет, в рамках которого точка зрения массового сознания предполагает определенный уровень знаний (за исключением опять же морального аспекта, например, принимать или не принимать смертную казнь). Что касается экономической и политической сфер оценок респондентов, то он обозначен сравнительно минимальным порогом компетенции массового сознания. Политика к тому же сопряжена с ощущением вероятности риска для индивида, что незамедлительно оказывает влияние на фактор валидности результатов.

3. От нормативной заданности к соответствию современной контекстуальности

Если следовать устоявшейся логике, то необходимо признать, что политическая социология, как и социология в целом, не исключает ни одного из традиционных научных методов исследования. Очевидно, что все хорошо известные социологии технологии и процедуры сбора эмпирических данных одинаково приемлемы и в формате политической социологии. Специфика последней должна быть увязана с фактом исследовательской фокусировки на общественном мнении по поводу политических реалий. А поскольку последние всегда наполнены в той или иной мере выраженности **идеологической** составляющей и, как следствие, контролирующим эффектом «политической благонадежности» респондента, то трудоемкость, сопутствующую любому политическому проекту, можно проследить по нескольким основаниям.

Первое связано с проблемой качества отечественного респондента, выраженного понятием его **аутентичности** (подлинности). Проблема аутентичности субъекта общественного мнения, т. е. способности респондента оставаться собой, в рамках своего естества и искренности, выражая через анкету то, что он действительно думает по существу вопроса, – вне сомнения, проблема культуры и ментальности народа.

Латентная природа политических убеждений, сопряженная с ощущением риска для личности в случае, если эти убеждения не совпадают с официально декларируемым курсом, создает фон, мало сопутствующий эффективному решению проблемы аутентичности. Не говоря уже о том, что отечественный респондент все еще испытывает на себе давление генетической памяти об уроках сталинизма, что «сковывает» его подлинность, воздвигая на пути «возвращения к себе» мощный барьер постоянного «преодоления себя». Поэтому постигнуть природу отечественного респондента без учета фактора того исторического фона, который сопутствовал процессу его социализации, невозможно в принципе. Не исключено, что представители известного в Беларуси рода графа Чапского с их фамильным кредо «Жизнь – Родине, честь – никому!» выглядели бы много предпочтительнее в роли наших респондентов сегодня с точки зрения способности к выражению подлинности своих чувств и мнений. Во всяком случае благородное чувство собственной чести всегда соизмерялось паритетом личной правды, даже если она провоцирует прецедент дуэли с тем, кому эта правда окажется не по душе.

Безусловно, в наших актуальных обстоятельствах все значительно сложнее и проще одновременно. Проще потому, что проблема валидности результатов поля, ориентированная на адекватность вербального мнения истинному положению вещей, решается (и в этом глубокое заблуждение социологов!) набором хорошо выстроенных филигранных тонкостей процедурно-технологического обеспечения исследовательского процесса: начиная с формулировки гипотез, целей и задач исследования, успешной редукции ведущего теоретического концепта к его эмпирическим референтам и завершая формулировкой вопросов, построением шкал, содержательной композицией анкеты и т. п. Однако ни количественные, ни качественные методы, как бы грамотно они не были реализованы на практике, ни даже столь впечатляющая своим понятийным изыском мультиоперациональная триангуляция не могут служить абсолютными гарантами аутентичной реакции респондента и, как следствие, валидности полученного результата. Таким образом, сложность социологической исследовательской практики обусловлена в первую очередь морально-этической ее компонентой. Надо честно признать, что в политическом исследовании этот потенциал надежности на аутентичность массового сознания, на котором сконцентрирован исследовательский интерес, ничтожно мал. Не случайно американские исследователи Дж. Б. Мангейм и Р. К. Рич – авторы наиболее удачного учебного пособия (1980–1990-е гг.) по овладению приемами и методами политического исследования – в предложенном для оценки его качества контрольном бланке, включающем 33 критерия, отдельным пунктом обозначили вопрос: «Принимал ли автор во внимание этические проблемы, вставшие в ходе исследования?»⁹

Поэтому процесс построения валидного инструментария в политическом сюжете всегда сопряжен с большей трудоемкостью, нежели та, которая мыслится за соблюдением известных из учебников технологических и процедурных алгоритмов решения исследовательских задач. Необходимость системной реконструкции «духа времени», «специфики момента», «злобы дня» как решающих фоновых характеристик исследовательского поля здесь не менее принципиальна, чем «редукция теоретического конструкта к операциональному его определению».

Таким образом, **принцип** широкой социально-исторической **контекстуальности** в сюжете политической социологии приобретает характер решающего аргумента как на подготовительном этапе, так и в ходе исследования, тем более при анализе его результатов.

Необходимость перевода всех формулировок на язык повседневности как обязательный процедурный аспект исследования хорошо известна. Фактически к этому сводится весь процесс операционализации основных понятий исследования. Однако проблема видится в другом: в необходимости конкретизации содержательной нагруженности данной процедуры. Повседневность повседневности рознь. В чем выражает себя «лексическая повседневность», наиболее органичная эффекту подлинности современного респондента? Вот в чем вопрос.

В обозначенном в методологической литературе наборе процедур, снижающих проблему **реактивности** социологического инструментария, фактически не подвергалась критической рефлексии содержание вводной части анкеты. Есть осно-

вания полагать, что в контексте политической социологии, где проблема реактивности стоит с особой остротой, данный подход далеко не всегда продуктивен. Во всяком случае мы располагаем опытом, когда наибольший эффект снижения реактивности инструментария был сопряжен с фоном полной неинформированности респондентов о смысловой сути процедуры (тестирования). В современной социологии проблема «угадывания смысла» и соответствующей коррекции респондентом своего ответа в направлении «социально ожидаемого» контролируется посредством чередования прямых, косвенных и контрольных вопросов. Однако при наличии логики здравого мышления и времени совсем несложно сопоставить и уловить их смысловую тождественность. Что касается политической социологии, то здесь акценты с «социально ожидаемого» ответа смещаются на «политически ожидаемый» ответ, что в значительной степени осложняет процедуру замера и «провоцирует» редукцию его результата к получению **научного артефакта**. Одно дело, если тебя спрашивают о причинах вступления в брак или мотивах развода. И совсем другое, если речь идет об отношении к власти или политическому режиму. Здесь вступают в силу и аргументы гражданской зрелости, ответственности, риска, страха, и фактор компетентности.

В контексте политических исследований чрезвычайно высок соблазн получить политически целесообразный результат как со стороны самого исследователя, так и со стороны заказчика. Именно данное обстоятельство усиливает элемент субъективизма в политической социологии, стимулируя вероятность ее ангажированности.

У американцев, кстати, действует свод правил, регламентирующих отношения заказчик (финансист) – исполнитель, когда открытость в области материальной поддержки исследования рассматривается как основной принцип научной деятельности, спонсоры несут ответственность за действия, которые могут поставить под сомнение «чистоту поля» академических институтов как независимых центров, где результаты исследования, получившие государственные субсидии, не должны носить грифа секретности и т. п. Американская политологическая ассоциация включила в свой перечень нормативных правил взаимодействия в формате заказчик – исполнитель 12 пунктов.

Сравнительно меньшей информативностью отмечена в этом же аспекте Американская социологическая ассоциация, включившая в свой свод правил всего 2 пункта. Но и здесь достаточно жестко заявлено о недопустимости со стороны спонсора давления на итоговый характер исследования вплоть до публичной огласки подобных фактов со стороны исполнителя, а также обязательной публичной отчетности социологов об источниках финансирования проекта и особых отношениях со спонсором, которые могли повлиять на интерпретацию результатов¹⁰.

Открытость – неоспоримый атрибут демократической культуры. А проблемы демократии – ключевые проблемы политической социологии. Надо честно признать, что отечественная социологическая практика в контексте политического сюжета несколько отстает от среднестатистического европейского стандарта.

Ни одна из государственных структур не имеет на своем сайте рубрики «Архив данных». В то же время, несмотря на настороженное отношение к частным структурам (в том числе и с нашей стороны), именно здесь мы нашли аргументы, позволяющие усомниться в обоснованности своей предвзятости. НИИСЭПИ, например, в системном режиме размещает в своем архиве все результаты мониторинговых замеров. Лаборатория «Новак» делает это скромнее, с явной оглядкой на остроту результата и потому несколько фрагментарно, предоставляя лишь обработанный материал, хотя и весьма наглядно выразительно и убедительно. Зайдите на сайт российского «Левада-Центра», и вы убедитесь, что открытый доступ к архивным материалам, организованным по рубрикации вопросов, позволяет ознакомиться с ними даже рядовому агенту политического пространства. Есть чему поучиться. Тем более что будущее социологии связано с возрастающей мобильностью участия в глобализирующемся интернетовском коммуникативном пространстве как рядового респондента, так и профессионала. Убедительным доводом правомерности хода наших рассуждений может служить последняя книга Б. Докторова, по воле судьбы включившегося в глобальный научный контекст и блестяще осуществившего онлайн-мониторинг избирательной кампании Барака Обамы¹¹.

Обозначенная проблема закрытости социологической практики (мы исключаем случаи, специально оговоренные заказчиком) только усиливает эффект «тупиковости» в практическом решении проблемы «чистоты» профессиональной социологической ниши. Опыт избирательных кампаний сопровождается выдвиганием на авансцену социологического научного поля отдельных спонтанно возникающих, наспех «испеченных» «социологических» подразделений или групп. Последнее с завидным постоянством ставит вопросы о природе их происхождения, адекватности полученных результатов, что с неизбежностью инспирирует дискуссию о квалификации научной состоятельности социологии. Выход из сложившегося тупика, ставящего под сомнение результаты соцопросов и снижающего авторитет социологии в целом, может быть только один – предельно возможная открытость социологической практики.

Таким образом, процесс институционализации политической социологии в Беларуси обозначен целым рядом трудностей как методологического характера, так и собственно организационно-функционального, которые формируют проблемное поле науки. Ограниченные рамками статьи, мы эксплицировали здесь только вершину айсберга, рассчитывая на развитие сюжета на страницах нашего журнала. Акцентуализация содержания статьи на наблюдаемых тенденциях методологического плюрализма в социологии в целом не может обойти стороной такое ее ведущее направление, как политическая социология. Очевидно то, что принятие плюралистической парадигмы за основу может найти достаточные основания в контексте специфики актуального момента исторического этапа развития страны и ее науки. Но такая логическая аргументация правомерности методологического плюрализма с необходимостью диктует задачу пересмотра целого ряда существующих нормативных (и в этом плане стереотипных) методологических установок развития социологического знания.

В каком конкретно направлении будет развиваться этот методологический консенсус, если он в принципе возможен?

¹ См.: Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. М., 2006.

² Белановский С. А. Метод фокус-группы. М., 1996. С. 16.

³ См.: Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М., 1986. С. 9–25.

⁴ См.: Горшков М. К. Общественное мнение в системе властных отношений // Политическая социология / Под ред. Ж. Т. Тощенко. М., 2002. С. 433–447.

⁵ Батыгин Г. С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М., 1986. С. 106.

⁶ См.: Батыгин Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной» социологии // Социол. журн. 1994. № 2.

⁷ См.: Шавель С. А. Феномен Homo Patiens – человек терпеливый: социологический анализ // Социология. 2012. № 2. С. 108–122.

⁸ См.: Бурдые П. Социология политики. М., 1993. С. 161.

⁹ Мангейм Дж., Рич Р. Политология. Методы исследования. М., 1997. С. 510–512.

¹⁰ Там же. С. 521–525.

¹¹ См.: Докторов Б. Явление Барака Обамы. Социологическое наблюдение. М., 2011.

Поступила в редакцию 23.07.12.

Л. А. ГУЦАЛЕНКО,

ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МИНСК)

СОЦИАЛЬНОЕ БЛАГО КАК ОБЪЕКТ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ

Рассматриваются разновидности социального блага в контексте их производства и потребления и роль субъекта в этих процессах.

Various social benefits are considered in the context of their production and consumption, as well as the role of the subject in these processes.

1. Спасать приходится не отдельное отечество, а все человечество

В силу сложившихся отношений человека к естественной и искусственной среде возник один из первых общеисторических социальных конфликтов. «Человек разумный, – отмечает академик РАН А. С. Керженцев, – как биологический вид всту-